

5 ГАСТРОЛИ ТЕАТРА „КОМЕДИ ФРАНСЕЗ“ Размышления после спектакля

Да, это был блестящий, элегантный, по-настоящему французский, точнее, даже парижский спектакль!

Такое впечатление возникло, как только открылся занавес: изысканный белый павильон, взятый в чуть подчеркнутую перспективу, золотистая деревянная резьба, широкая винтовая лестница на антресоли, сдержанно живописный плафон, расчерченный паркет пола, — все это сразу пленило зрительный зал. Впрочем, и чуть смутило. Если бы перед нами была традиционная мольеровская сцена, которая допускает любую условность, это было бы понятно. Но перед нами был модернизированный Мольер, и потому, если в «Тартюфе» одна традиционная комната на все акты воспринималась как заколдованная театральная условность, то нарушение декоративной традиции в «Мещанине» уже вызвало некоторое сомнение. Показалось не очень оправданной одна декорация на все акты, да к тому же изображающая какую-то полубогатую — полу-халд неопределенного назначения и предполагающая обилие в доме других роскошных покоев, так и неиспользованных режиссером. А с другой стороны, театральная нарочитость диалогов не совсем находится в ладу с суховатой и холодноватой серьезностью историческими почти достоверной, хотя и не очень журденовской (слишком уж изысканной) обстановки, воссозданной художником.

Но вот задвигались, заговорили персонажи представления. Прелестны все учителя — продажный ремесленник-музыкант в исполнении Робера Манюэля; весь словно бы пронизанный стихией «дансантиности» учитель танцев, которого прекрасно сыграл Жак Шарон; в нем будто заперта какая-то танцующая пружинка, и он вот-вот взорвется к небу от обиды за неуважение к его искусству... Но вот спускается по лестнице в великолепном экзотическом халате м-сье Журден. Он повязан платком, концы которого смехными рожками торчат над головой. Его полное и розовое, смешное, выразительное лицо дышит добродушием и глупостью.

Луи Сенье был в «Тартюфе» чудесным Оргоном, но в Журдене он выше по богатству мастерских деталей, коими разукрашена роль, по великолепию, сочному юмору, который на этот раз оказался у актера и который трудно было в такой степени предположить в нем после Оргона.

Сделать Оргона смешным в той мере, в какой это нужно спектаклю, — для этого был необходим тонкий художественный расчет. И приятно, что первоклассный юмор Сенье нашел в Журдене свое полное развитие. Великолепно подан им текст. Знаменитая мольеровская «проза, которая не есть стихи», удалась ему в совершенстве.

Представление разворачивается. Появляется воинственный крикун-фехтовальщик, очень смешно сыгранный г-ном Анри Роллан, уже знакомым нам по спектаклю «Тартюф», и по-своему необыкновенно очаровательный философ, которого превосходно, очень мягко и убежденно играет г-н Жорж Шамаф.

Ковельс — Жан Мейер, постановщик спектакля, несомненно, представляет собой и как актер явление весьма интересное. Он сумел найти очень своеобразную в фит-

На снимке: сцена из комедии-балета Мольера «Мещанин во дворянстве». Слева направо: госпожа Журден — Жермен Руэр, господин Журден — Луи Сенье, Ковельс — Жан Мейер, Доримена — Мари Сабурэ, Клеонт — Жан Пья.

Фото А. Трошина.

мическом отношении ипотационную характеристику для роли Ковельса, неожиданно замедленную и очень убедительную; она так хорошо сочетается с пылким чистосердечием Клеонта — Жака Пья. Кстати, великолепно разыгран в спектакле перекрестный диалог поссорившихся пар со своеобразно замысловатой каруселью мизансцен — приставаний, ссор и примирений.

Сколько юмора в этих сценах! Но пафоса не чересчур зла, все остается в пределах изящного вкуса, которому подчинена режиссерская работа Жана Мейера.

Наконец, появляется Николь. Беатрис Бретти не имеет здесь таких возможностей для раскрытия своего таланта, как в «Тартюфе», и, вероятно, поэтому повторяется. К тому же не слишком правомерно, что ее партнер Ковельс выглядит рядом с ней мальчишкой.

На сцене мадам Журден и Доримена. Прелестная Доримена, дама сомнительного толка, чье счастье определяется бриллиантовым и атласным блеском нарядов, с изяществом сыграна г-жой Мари Сабурэ. Мадам Журден... но и она очень изящна! И да простит меня Жермен Руэр, но ей так и не удалось скрыть своей врожденной грации под нарочитой грубоватостью жестов и интонаций. Но ведь мадам Журден с ее простодушием, с ее хозяйственным и семейным одачным смыслом, с ее природной смелостью — совсем не то, что холодная, расчетливая, наменная Доримена. Достаточно ли они развиты в спектакле?

А может быть, таков и был замысел режиссера, которого, пожалуй, больше всего волновала красота зрелища, со всей его щедростью и изысканностью?..

Спектакль «Мещанин во дворянстве», конечно, очень отличается от «Тартюфа». Если в «Тартюфе» нас прежде всего восхитило обилие многолетних традиций, представивших самый воздух спектакля, то в «Мещанине во дворянстве» эти традиции сметно модернизированы.

Первое место в этом спектакле принадлежит, конечно, художнице Сюзане Лалик: в костюмах и декорациях чувствуется и ум, и юмор. Но иной раз за всей этой изысканностью и изощренностью в спектакле проглядывает главное — народная простота и ясность Мольера.

В «Тартюфе» мы восприняли и почувствовали Мольера — писателя истинно народного. Но ведь таким же он остается и в «Мещанине во дворянстве» — зло высмеивающим смешное жеманство, старательные потуги во что бы то ни стало, любой ценой, хотя бы ценой полной утраты собственного достоинства, стать знатыным, стать «жантильмном». И, конечно, все симпатии Мольера в этой пьесе на стороне простоты и молодости, непосредственности и самообытности.

В спектакле, поставленном г-ном Жаном Мейером, эти стороны пьесы не до конца раскрыты. Изящная музыка Люлли и несколько абстрактные балетные и вокальные интермедии только подчеркивали утонченность красок и музыки.

Я, разумеется, ясно вижу и другую «наискость», подстерегающую спектакль. Стоило его отяжелить работой о чрезмерной значительности, как исчезла бы вся искрометная непосредственность и легкомыслие... Да, пожалуй, то слово, которое здесь уместно и которое в должной

дозе (подчеркивая, в должной дозе!) было совершенно обязательно в таком изысканном и тесном спектакле. Вещь, таким образом, в том и состоит, была ли соблюдена эта доза реализма?!

И много раз задумывался над тем, чтобы режиссерски осуществить «Мещанина во дворянстве». Конечно, и в этот раз, когда я смотрел спектакль «Комеди Франсез», наряду с восхищением блестящим мастерством наших гостей у меня возникало собственное видение спектакля, иная внутренняя расстановка сил в нем, иные противопоставления, через которые можно было бы, как мне кажется, полнее раскрыть основную цель мольеровской пьесы. И эти мои воображения развивались по мере того, как сценическая сторона спектакля, диалогизм и режиссерские «приправы» все больше уводили зрителей от центральной темы и в конце концов свели спектакль к остроумному апофеозу, этому великолепному параду основных актеров по рампе за склоненными страусовыми перьями танцоров дивертисмента.

И странно, этот спектакль ярче и в чем-то несомненно совершеннее «Тартюфа». Но вот я отхожу от него и мне кажется, что «Тартюф» в моей памяти все же запечатлелся глубже, сильнее. Причина, видимо, в том, что «Мещанин» несколько утомляет изысканностью выдумки. Мне кажется, что режиссер утратил чувство зрителя, которому адресуется спектакль. Не слишком ли добродушно сыграна в нем основная сатирическая партия, не слишком ли глухо звучит тема мещанина во дворянстве, не слишком ли параден спектакль? А ведь самое ценное в Мольере, самое неумирившее в нем, — это то, что проставили актеры Французской комедии в первом своем спектакле в Москве, — это его ум, страстное жизнелюбие, его простота и сердечность, это его отвага народного художника, бросившего вызов пустому блеску, тщеславному изощренному великолепию.

В своих высказываниях я поделился своими соображениями, сомнениями, недомыслиями, не боясь выглядеть неучливым. Наши гости показали себя настоящими художниками, — значит они не нуждаются в комплиментах. Я глубоко убежден, что наши гости, наши друзья и коллеги, примут мои слова как выражение глубокого уважения к их искусству.

Как и после первого спектакля, хочется принести благодарность великому искусству актеров «Комеди Франсез»: они заставили нас еще раз ощутить прекрасные возможности нашего актерского ремесла, поданного в изысканном исполнении наших французских коллег почти до математической точности музыкального искусства.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР.